

В. А. Шкерин,

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

“Как не стыдно тебе, Наркис Константинович?”

К вопросу о взаимоотношениях Н. К. Чупина и В. А. Глинки

С легкой руки чупинского приятеля Ивана Дмитриевича Белова по страницам ураловедческой литературы пошло кочевать описание случая, произошедшего на экзамене для урядников, претендовавших на получение первого классного чина. В отрывке, продиктованном Н. К. Чупиным для грамматического разбора, упоминался Чичиков. Это вызвало незамедлительную и бурную реакцию присутствовавшего на испытаниях главного начальника горных заводов хребта Уральского генерала В. А. Глинки. “Как, Чичиков? — закричал он. — Это значит Гоголь, шелкопер! Как не стыдно тебе, Наркис Константинович? Почтенный ты человек, а диктуешь на казенном экзамене такую мерзость! Никогда тебе не забуду этого. Сейчас стереть с доски! Продиктуй что-нибудь из сочинений многоуважаемого Василия Андреевича Жуковского” [1]. Данный эпизод традиционно используется авторами для противопоставления Чупина, как представителя передовой разночинной интеллигенции, и Глинки — николаевского генерала, главы военизированного “горнозаводского царства”.

Между тем, эти исторические персонажи — совсем не антиподы. Глинка — не только не ретроград (в юности он даже был членом Союза Благоденствия), но и покровитель молодого Чупина. 5 августа 1851 г. генерал писал исправляющему должность товарища министра финансов: “Кандидат Императорского Казанского университета Наркис Чупин просит об определении его на службу по Горному ведомству. ... покорнейше прошу ... об определении просителя в число канцелярских чиновников Главного управления Уральских заводов”. 24 сентября Чупин поступил в канцелярию с чином коллежского секретаря, а 11 января 1852 г. предписанием Глинки был определен производителем дел канцелярии [2]. Уже тогда обязанности Чупина заключались в курировании школьного и архивного дел. Весной 1853 г. в Екатеринбурге состоялось открытие Уральского горного училища,

которого Глинка добивался в течение многих лет. Согласно новому распоряжению генерала, Чупин стал “старшим учителем и вместе с тем инспектором классов училища”, одним из двух штатных сотрудников нового учебного заведения наряду с его управляющим М. В. Блиновым.

Поручая Чупину школьные и архивные дела, отправляя его в служебные поездки по Уралу, Глинка способствовал тому, что студенческие интересы Наркиса Константиновича превратились в дело жизни и принесли ему славу педагога, историка, географа, а заводскому краю — великую пользу. Со своей стороны Чупин стал автором первого обобщающего исследования деятельности генерала Глинки на посту главного начальника уральских заводов [3].

Но вернемся к описанной выше сцене. Смысл ее не прост и не однозначен. Во-первых, сделаем ссылку на извечную российскую разобщенность поколений. Чупин и Белов (два “фильтра”, через которые прошла информация) — представители поколения “детей”, чей максимализм был предрасположен скорее к осуждению, чем к пониманию “отцов”. Возможно, сам того не замечая, Белов придал эпизоду характер гоголевской сатиры: “Живой стоит передо мной и Наркис Константинович, скромный, терявшийся от всякого резкого слова. Его небольшая фигура, немного сутуловатая, совершенно исчезла ... перед мощной, грозной фигурой генерала, кричавшего и размахивавшего руками. Действительно можно сказать: и смех, и горе”. Чем не Акакий Акакиевич и “одно значительное лицо”?

Некая реальная основа у этой истории, конечно, была. Но огульное отрицание гоголевской сатиры Глинке было чуждо. В пользовавшемся его покровительством екатеринбургском театре играли “Ревизора”. Впрочем, между “Ревизором” и “Мертвыми душами” — большая разница. Театральную постановку первого царь одобрил за критику чиновничества, которому не доверял и влияния которого опасался (“Моей империей управляют двадцать пять тысяч столоначальников”). Однако многие поняли, что объектом сарказма оказалось все бюрократическое государство. Гоголь отрещивался от подобного обобщения: “Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры ... непременно примут на свой счет”. Опасаться было чего: 1830-е годы — это рассвет эпохи “официальной народности” с присущим ей пафосом

национально-государственного самообожания. А 1836 год — дата не только премьеры “Ревизора”, но и публикации “Философических писем” Чаадаева с последующим объявлением автора “высочайшим повелением сумасшедшим”.

При создании “Мертвых душ” конфликт Гоголя-автора и Гоголя-человека выразился еще явственнее. Автор стремился “показать хотя бы с одного боку всю Русь”, а человек оправдывался, что “все это карикатура и ... выдумка”. Но это была не “выдумка”, а полновесная оплеуха крепостничеству — основе основ государственного строя России. Не потому ли вместо продолжения своего главного произведения Гоголь издал “Выбранные места из переписки с друзьями”, в которых провозгласил Российскую империю “идеальным небесным государством”, а крепостное право — “истиннорусским отношением помещиков к крестьянам”?

Антикрепостническая направленность “Мертвых душ” была очевидна и для Чупина с Беловым, и для Глинки. Но протест последнего против использования отрывка в качестве экзаменационного задания не обязательно должен быть расценен как свидетельство консервативности генерала. Причина могла быть проще: критике дворянства и крепостного права не место “на казенном экзамене” для урядников. В продолжении многолетней службы на Урале Глинка последовательно добивался установления жесткого государственного контроля над отношениями заводчиков с крепостными рабочими. За это заводчики Всеволожские обвиняли генерала в подстрекательстве крепостных “к неповиновению”, а Демидовы искали в его действиях “злой умысел”. Но одно дело бороться за ограничение крепостного произвола самому, другое — пропагандировать антикрепостнические идеи среди людей недворянского звания. Движение декабристов (в котором участвовал и молодой В. Глинка) стремилось не только освободить страну “от мерзости рабства”, но и уберечь ее от “русского бунта”, от новой пугачевщины. Что же касается государственной власти, то она пришла к идее гласного обсуждения “проклятого русского вопроса” лишь в 1858 г., в царствование Александра II.

С этой точки зрения поэзия мечтательного романтика Жуковского привлекала аполитичностью “вечных тем”. Дополнительной причиной

совета генерала обратиться к творчеству поэта могли стать их личные отношения (на смертном одре В. Кюхельбекер завещал свое литературное наследие В. Жуковскому и В. Глинке). К сравнению Гоголя и Жуковского побуждали и их почти одновременные уходы из жизни в 1852 г.

1. Боголюбов К. В. Мамин-Сибиряк. — Свердловск, 1949. — С. 80-81; Очерки истории Свердловска. — Свердловск, 1973. — С. 50; Гомельская С. З. Н. К. Чупин. — Свердловск, 1982. — С. 23.

2. Российский государственный исторический архив. Ф. 44. Оп. 1. Д. 692. Л. 1. 3 об.

3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 129. Оп. 1. Д. 102.

М. В. Бахирева,

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург)*

Стать металлической Россией

Когда-то железу служили молебны (не умея объяснить метеоритные дожди), изготавливали из него талисманы, дорогие украшения. Неисчерпаемы области применения железа - от гвоздя и до космоса. Недаром поэт А. Твардовский писал: “И в звездный край самой Вселенной уже вступила наша сталь”. Издавна металл служил мерилom силы и могущества государства. В XVIII в. такой самой могущественной державой была Россия, догнав и перегнав по производству железа все зарубежные страны. Не знало себе равного русское, главным образом, уральское железо и по качеству, получив высокую марку — “Соболь”.

Уральское железо появилось в Москве на пушечном дворе уже в 1702 г. и “по испытаниям московских кузнецов сие железо оказалось превосходнее шведского”. К тому же, оно было и дешевле не только привозного шведского, но и местного, с подмосковных заводов Миллеров и Нарышкина. Урал в то время занял главенствующее положение в выплавке металла в стране. Находясь на рубеже между Европой и Азией, занимая огромное пространство, он представлял собой богатейший край, несметные богатства которого практически были неисчерпаемы. А высокое качество этих руд позволило ему